

В. В. ГУРУЛЕВА

НУМИЗМАТИКА В ЖИЗНИ И ТРУДАХ Н. П. ЛИХАЧЕВА

Нумизматика — магическое зеркало, которое не всегда показывает приятное зрелище, кто в состоянии прощнуться в его тайну.

Н. П. Лихачев

Круг научных интересов Николая Петровича Лихачева был необычайно широк, и его наследие изучается и настоящее время специалистами многих отраслей исторической науки.¹ Публикуются неопубликованные труды ученого,² организуются выставки, позволяющие ознакомиться с его многочисленными коллекциями.³ Очевидно, настало время осветить вклад этого выдающегося человека и в нумизматику, тем более что в Эрмитаже хранится около 15 тысяч монет и памятных медалей из собрания Н. П. Лихачева.⁴

Настоящая статья, основанная на архивных материалах, ставит целью воссоздать историю изучения Н. П. Лихачевым нумизматики, проблема которой интересовала его в целом, и потому не случайно предметом исследования ученого становятся как античные и русские, так и восточные монеты.⁵

Нумизматика была одним из первых увлечений Н. П. Лихачева: «Родовая страсть к археологии оказалась очень рано <...>, — писал он в автобиографии, — и четвертом классе гимназии углубился в нумизматику». И это неудивительно: Казанская губерния, где он родился и вырос, богата кладями монет, оседлавшими на древних тор-

¹ Подробнее об этом см., напр.: Янин И. Л. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева // Советская археология. 2. М., 1962. С. 10—16; Климин Л. Г. Коллекционер, известный всей России, еще более Европе // Репресторновская наука. Л., 1991. С. 424—425, примеч. 10, 437.

² В первую очередь следует назвать как наиболее важный подготовивший к печати В. С. Шадровской труд Н. П. Лихачева «Монетодулы греческого Востока» (М., 1991).

³ Самая значительная из них была устроена в 1991 г. в залах Русского музея. См.: Из коллекций академика Н. П. Лихачева. Каталог выставки. СПб., 1993.

⁴ Поступили в 1938 г. См.: Архив отдела нумизматики Эрмитажа: Книга поступлений 583, № 494.

⁵ Благодарю мои коллеги по отделу нумизматики Эрмитажа, специалистов по русским и восточным монетам, — В. А. Квашина, М. И. Сошкину, П. Г. Добрыньского, М. Б. Северову и Г. Б. Шаурину за помощь в работе.

⁶ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. кр. 7, л. 54.

говых путях, и коллекционирование было модным и распространенным занятием любителей древностей. Одним из таких коллекционеров был родной дядя Н. П. Лихачева — Андрей Федорович Лихачев (1832—1890), воспитанник физико-математического факультета Казанского университета, археолог и пумимат по влечению души, член Русского Археологического общества. Его интересы были сосредоточены на восточных монетах, описанию которых он посвятил несколько статей, опубликованных в «Завесках» РАО. Коллекция А. Ф. Лихачева — несколько десятков тысяч монет — стала впоследствии основой нумизматического собрания Казанского музея.⁷

Такая увлеченность А. Ф. Лихачева, вероятно, послужила его племяннику образцом для подражания, когда в августе 1876 г. он начал заниматься нумизматикой.⁸ При этом с самого начала коллекционирование монет сочеталось у юного собирателя с изучением нумизматической литературы. «С четырнадцати летнего возраста, — писал Н. П. Лихачев, — я со страстью изучал и собирал монеты, перечитывал труды ученых как по теоретической, так и по практической нумизматике».⁹

Большое значение имело для Н. П. Лихачева знакомство в мае 1877 г. с казанским нумизматом и коллекционером В. К. Савельевым.¹⁰ Виктор Константинович Савельев (1810—1882)¹¹ был удивительным человеком. Сын бедного и многодетного учителя рисования из Нижнего Новгорода, он с 13 лет вынужден был поступить на службу, чтобы помогать отцу. Исполнительность и веселый нрав В. К. Савельева спускали ему расположение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина (1795—1862), в канцелярии которого Савельев служил с 1831 г. Когда в 1845 г. Мусина-Пушкина перевели в Петербург, он взял с собой и своего протеже. Во время пребывания в Петербурге Савельев познакомился со многими нумизматами и археологами и, благодаря своим выдающимся природным дарованиям, не имея не только специального, но даже и общего образования, достиг таких познаний в нумизматике, что стал известен как русским, так и иностранным ученым и был избран членом возникавших тогда русских археологических обществ в Петербурге, Москве и Казани. С 1864 г. и до конца своих дней Савельев жил в Казани и служил в университете, занимая там различные канцелярские должности. Страстный любитель нумизматики, он, несмотря на свое скромное жалование, активно приобретал монеты, в том числе и много редких, и составил прекрасную коллекцию. Необыкновенная общительность и способность изъясняться стихами делали Савельева приятным собеседником и собирали вокруг него людей самых разных слоев общества и возрастов. В этот круг попал и пятнадцатилетний нумизмат Н. П. Лихачев.

Не приходится сомневаться в том, что знакомство и общение с В. К. Савельевым оказали большое влияние на становление

⁷ Труновский П. К. Андрей Федорович Лихачев (биографический очерк) // Труды Московского нумизматического общества. Т. 1. М., 1898. С. 225—229.

⁸ СПб. ФА РАН. ф. 246, оп. 2, ед. хр. 135, л. 297.

⁹ Там же, ед. хр. 50, л. 50.

¹⁰ Там же, ед. хр. 135, л. 297.

¹¹ Корсакова В. В. К. Савельев // Русский Биографический Словарь. СПб., 1904. С. 24—25.

Н. П. Лихачева как нумизмата. Не случайно именно к 1877 г. — году их знакомства — относится первый рукописный каталог его коллекции — тетрадь в 120 листов в твердой обложке, куда Н. П. Лихачев вписывал все свои монеты до 1880 г.¹² Записи здесь велись по определенной системе, рассчитанной на рост собрания. Описание русских монет (серебряных и медных), с которых начинался каталог, было составлено в виде таблицы, где в вертикальной графе сверху вниз шли годы выпуска монет (от 1690 до 1884 г. — для серебряных и от 1700 до 1880 г. — для медных), а в горизонтальной графе — номиналы. Монеты, которые поступали в коллекцию, вписывались в соответствующие разделы таблицы (их было 337 серебряных и 1044 медных). Отдельно были выделены монеты допетровского периода. Их записи велись по иному принципу: каждая новая страница тетради была отведена для регистрации монет одного из великих князей (затем царей) от Дмитрия Донского до Петра I, и если в коллекцию Лихачева попадали монеты какого-либо из этих правителей, они записывались на соответствующей странице (всего допетровских выпусков было в собрании 111 экземпляров). По такому же принципу шли описания восточных монет (по династиям), которых насчитывалось в общей сложности 60 экземпляров, древнегреческих — 15 и римских — 9. Далее в алфавитном порядке были расписаны названия стран Западной Европы, Америки и Востока, выпускавших монеты в новое и новейшее время, и в соответствии с этим делением в каталог заносились монеты из собрания — всего по этому разделу значится 622 экземпляра. Среди них было и 5 византийских монет: серебряный милларионский императора Ираклия (610—642) и медные монеты Феофила (829—842), Василия I (867—869) и Льва VI (886—912). Завершался каталог рубриками: «Русские неопределенные монеты» (таких в коллекции не было), «Русские монеты удельных князей» (одна монета рязанского князя Василия Иоанновича (1456—1483)), «Русские медальоны и жетоны» (19 экземпляров, в том числе, как отмечал Н. П. Лихачев, «оная волостного старшины и 6 масонских жетонов Ад. Лихачева»¹³), «Русские и иностранные асигнации» (их было, соответственно, 3 и 6 экземпляров, иногда с указанием номеров асигнаций), «Иностранные медали и жетоны» (3 медали и 18 жетонов), а также «Дополнения», куда вписано 5 русских монет (в том числе первая в коллекции платиновая монета — 3 рубля Николая I 1842 г., подаренная М. А. Хомяковым 21 апреля 1879 г.¹⁴), 40 римских, 13 западноевропейских монет и 33 иностранных жетона. В общей сложности в первом каталоге было записано более 2200 памятников нумизматики.

Перечисленные разделы каталога показывают, что коллекция Н. П. Лихачева включала в себя монеты и медали всех стран и народов, но преобладали в ней русские монеты, и именно они интересовали собирателя больше всего. Такой подход к коллекцио-

¹² СПб. ФА РАН, ф. 246, ин. 2, сд. хр. 135, л. 297—328.

¹³ Там же, л. 412. Речь шла о правителе Н. П. Лихачева, Александре Лонгиновиче Лихачеве (1752—1814), который тоже был страстным коллекционером «и между прочим собирал и монеты» (см.: Лихачев Н. П. Генезис коллекционной истории одной помещицкой библиотеки. СПб., 1913, с. 33).

¹⁴ Там же, л. 415 об.

шприванию характерен почти для каждого начинающего нумизмата: очень трудно на первых порах отказаться от любых монет, попавших в коллекцию, особенно если они подарены, и только со временем определяется какое-то одно направление собирательской деятельности. Однако собрание Лихачева составило исключение из этого правила и сохранило разнообразный состав до конца. Это объясняется широтой интересов ученого и тем фактом, что нумизматическая коллекция служила ему вспомогательным материалом для исследований в различных областях исторической науки.

Как можно понять из небольших пояснений Н. П. Лихачева, сопровождавших некоторые записки в первом каталоге, пополнение его коллекции шло во многом за счет подарков от родственников: отцы, дядюшек — Павла Петровича и Якова Петровича Андреевых, Алексея Федоровича Бровцова, двоюродных братьев — Бориса и Николая Капиных, Николая Нарбуто и др.¹⁵ Один из таких даров от Н. Капина сопровождается стихотворным посланием:

ВЕДИКОМУ АРХЕОЛОГУ И НУМИЗМАТУ
НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ЛИХАЧЕВУ.

О монет нумизмат!
Был некогда найден сей клад
В лесах Чувашии том Морды
Не ведало того царство.
Там жители невежества полны
И с кладом поступили скверно:
На деньги дарашки пробили.
Препри почтенье к старине,
Как украсенье жена из пошны,
Пома не продали часть мне.
А в теперь пошел за честь,
Вам их в коллекцию поднести.

30 октября
1878 г.

Н. Капин¹⁶

На день рождения и день именин в 1878—1879 гг. Н. П. Лихачев получал монеты в подарок от В. К. Савельева.¹⁷ К этому времени у них сложились уже достаточно близкие и теплые отношения, и Лихачев называл своего учителя нумизматики «дедушкой». Сохранилось одно письмо, которое было отправлено Савельеву 24 июля 1879 г. из Полянок, где Лихачев проводил свои летние каникулы. Оно начиналось с обращения «Милый дедушка!», и далее, после описания своих досугов, Лихачев сетовал: «Нумизматические дела у меня плохи, очень плохи. Приобрел всего один дирхем, хотя, признаться, дирхем прекрасный <...>. Веселюсь я впропалую, только сердце щемит, что по нумизматике нечем шиться, а свободного времени много». Затем следуют вопросы о том, как идут дела у В. К. Савельева с определением различных монет, нет ли известий о новыхкладах и писем от

¹⁵ Там же, л. 298, 300 об., 347 об., 350 об., 362 об., 399, 413.

¹⁶ Там же, сд. хр. 22, л. 2.

¹⁷ Там же, сд. хр. 135, л. 301 об., 347 об.

столичных нумизматов, а заканчивается послание словами: «Остаюсь любящим Вас учеником Н. Лихачев».¹⁸

Отсутствие нумизматической практики Н. П. Лихачев компенсировал в то время теоретическими занятиями. К июню 1879 г. относится тетрадь, озаглавленная «Выписки исторические и нумизматические Н. Лихачева», где было законспектировано несколько изданий по различным областям нумизматики, в том числе сочинение Ф. Ф. Шуберта 1857 г. «*Monnaies russes des derniers trois siecles, depuis Le czar Ioan Wasilievicz Grosnyi jusqu'a L'empereur Alexandre II*», и крестиками были отмечены монеты, имеющиеся в коллекции Н. П. Лихачева.¹⁹

С 1880 г. (это был год окончания гимназии и поступления в Казанский университет) Н. П. Лихачев начал вести записи монет своей коллекции в трех новых тетрадях. Первая (небольшого объема — 22 листа), называвшаяся «Книга бытия нумизматической коллекции Н. Лихачева с 1880 г. Казань»,²⁰ открывалась вводной рубрикой «Существование коллекции до 1880 г.», где вноски указывались дата начала занятий нумизматикой, подчеркивался факт знакомства с В. К. Савельевым и перечислялись монеты и медали, подаренные родственниками и знакомыми или купленные на полученные от них деньги. Вот выдержки из этих записей: «Первая монета, Пятак 1763 г. Е. М., получен в 1869 г. от Аппи Кузьмичины Сиверцовой в Поляках <...>». В 1877 г. осенью куплены русские монеты на пять рублей, данных мамашей крестной, на восемь рублей получено серебряных русских монет от папани, получена в подарок от Коди Нарбуто медаль 50-летнего юбилея артиллерийского училища; в 1878 г. в феврале куплены на 8 рублей, данных дядей Яшей, иностранные монеты у Савельева... В мае 1878 г. от папани римские монеты на 28 рублей, тогда же от Алексея Федоровича две медали <...>. 8 мая 1878 г. от дяди Пани получена первая золотая монета (Япония).²¹

Собственно каталожные записи вошли в виде списка групп монет со следующими указаниями: дата их поступления в коллекцию, где они были куплены или кем подарены и их рыночная стоимость. Всего записано более 500 экземпляров. В тетрадь было вложено еще 15 листков с подробными описаниями самых существенных поступлений в коллекцию. Это были монеты, полученные «18 II 1880 г. от Папани и дяди Пани» — 140 экземпляров,²² а также привезенные в подарок «Кодей Нарбутом из заграничного пятилетнего плаванья 2 июля 1880 г.» — 5 золотых, 64 серебряных и медные монеты (их количество не указано, только приведена цена — 1 рубль). По составленной Н. П. Лихачевым оценке общая стоимость всех привезенных Н. Нарбутом монет исчислялась суммой 110 рублей 77 копеек, что, судя по сопровождавшему эту цифру восхищенному шквалу, привело молодого коллекционера в полный восторг.²³ Самому ему тогда были явно не по карману такие

¹⁸ Там же, оп. 3, ед. кр. 24, л. 1—2 об.

¹⁹ Там же, оп. 1, ед. кр. 171.

²⁰ Там же, оп. 2, ед. кр. 135, л. 1.

²¹ Там же, л. 2—2 об.

²² Там же, л. 12—16.

²³ Там же, л. 7—8.

затраты. Недаром в характеристике коллекции, данной им много позже в одной из своих работ, Н. П. Лихачев писал: «В юные годы я очень увлекался русской нумизматикой и, по своим недостаткам, преимущественно, почти исключительное внимание обращая на медь».²⁴

Уже в эти годы начинается сотрудничество Н. П. Лихачева с аукционными фирмами. 14 сентября 1880 г. он отправил К. Г. Тиме в Лейпциг заказ на западноевропейские монеты из коллекции пастора Лейтмана, продававшейся осенью того года, и получил оттуда 19 экземпляров, что и записал 24 декабря в своем каталоге, перечислив номера этих монет по аукционному каталогу.²⁵ Никаких других данных в этой записке приведено не было, но указанные номера позволяют узнать, какие именно монеты поступили в собрание Н. П. Лихачева с этого аукциона,²⁶ что важно для уточнения происхождения монет из коллекции Эрмитажа. И впоследствии Лихачев неоднократно покупал монеты на аукционах. Некоторые византийские монеты из его коллекции опознаются ныне по аукционным каталогам, например серебряные выпуски Юстиниана II (685—695) и Анастасия II из продававшейся в 1909 г. в Мюнхене коллекции консула Э. Вебера.²⁷

В двух других тетрадах из упомянутых трех каталогов отмечались поступившие иностранные монеты. Часть I (тетрадь в 138 листов) содержала монеты городов, названия которых начинались на буквы от А до К; часть II (тетрадь в 134 листа) — от К до Я. В общей сложности в них было записано более 2000 монет, медячек, жетонов и ассирийских.²⁸ Записи во всех трех тетрадах велись до конца 1881 г., иных же каталогов нумизматической коллекции Н. П. Лихачева, составленных им самим, либо не существовало (что наиболее вероятно), либо они не сохранились.

В студенческие годы Н. П. Лихачев поддерживал связь со многими казанскими коллекционерами, а также — и это было для него особенно важно — вел переписку с Иваном Ивановичем Толстым (1858—1916),²⁹ труд которого о древнерусских монетах, вышедший в 1882 г.,³⁰ сразу выдвинул молодого ученого в ранг признанных авторитетов в области русской нумизматики. Лихачев высоко оценивал издание И. И. Толстого, считая его «прекрасной попыткой соединения практической нумизматики с теоретической», и полагал, что все русские нумизматы должны «помочь ему — сообщением или изданием дополнений — в его великой задаче дать русской истори-

²⁴ Лихачев Н. П. Русские монеты 1741—1796 годов: (Критическая заметка). СПб., 1897. С. 17, примеч. 1.

²⁵ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 135, л. 6.

²⁶ Thieme C. G. Katalog der Sammlung antiker, mittelalterlicher und moderner Münzen und Medaillen des seligen Pastor J. Leitmann. Leipzig, 1880. Nr. 1482, 1529, 1707, 1854, 2230, 2239, 2301, 2497, 2788, 3782, 3841, 3851, 3903, 4041, 4162, 4165, 4168, 4170, 4314.

²⁷ Hirsch J. Sammlung Consul Eduard-Friedrich Weber. München, 1909. Nr. 3174, 3186.

²⁸ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 135, л. 23—295.

²⁹ Письма Н. П. Лихачева И. И. Толстому см.: РИВ. ф. 781 Толстой И. И., ед. хр. 1029, л. 1—13.

³⁰ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского: Нумизматический опыт. СПб., 1882.

ческой науке полное систематическое описание всех русских монет».³¹ Сам Лихачев неоднократно отпирывал Толстому русские монеты из своей коллекции, которые могли представлять для последнего интерес. Это прослеживается как по их переписке, где в каждом письме Лихачев сообщает Толстому о посылке ему монет, так и по примечаниям Лихачева, внесенным в упомянутый выше конспект сочинения Ф. Ф. Шуберга. Например, о копейке Екатерины II 1763 г.: «Куплена на толчке. — Перешла в коллекцию графа Н. И. Толстого» или о копейке же Александра I 1813 г.: «От В. К. Свельсена. — Подарена мною графу Н. И. Толстому».³² О характере взаимоотношений этих двух людей наиболее точно можно судить по письму Лихачева от 20 ноября 1884 г.:

Ваше Сиятельство
Милостивый Государь
Иван Иванович

С большим удовольствием получил я Ваш подарок и не знаю — за что это Вы меня благодарите. Не Вам меня, а мне Вас приходится благодарить за Вашу постоянную пылкую любовь к монетам. Меня очень порадовало Ваше громадное предприятие, первая часть которого выполнена с замечательным блеском. В котором-нибудь из следующих писем надеюсь написать к Вам относительно одной повгородки, а пока, желая хоть чем-нибудь помочь Вам, спешу выслать Вам 14 неопределенных монет и 2 исковки — все, что валяется в настоящую минуту в моей маленькой коллекции по этому роду монет (я не могу приставно заняться нумизматикой, потому что в настоящее время занят приготовлением к магистерскому экзамену). Так как было бы совершенно непрактично увеличивать балласт Ваших дублетов, уничтожая без толку свою коллекцию, то я буду высылать Вам все, что мне покажется стоящим этого, с покорнейшей просьбой выбирать все нужное, а остальное отсылать обратно. Мне было бы очень приятно хоть пустым вариантом пополнить Вашу коллекцию. Посылалю Вам броннорку с описанием Китайского клада 1878 года, где были и повгородки. Надеюсь послать Вам и весь первый том «Известий», которого, по-видимому, у Вас не имеется. Не могу выслать сейчас же, потому что он из продажи вышел, а у меня нет, кроме собственн. В сентябре месяце я был в Петербурге и хотел лично поблагодарить Вас за любезное ко мне отношение, но стороной узнал, что Вы еще не приехали из деревни, и решил не тратить времени на пустую попытку.

С искренним уважением
и преданностью честь имею
остаться всегда готовым к услугам
Н. Лихачев³³

После окончания университета в 1884 г. Н. П. Лихачев был оставлен при кафедре русской истории для приготовления к profes-

³¹ СИБ. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 50, л. 51.

³² Там же, оп. 1, ед. хр. 171, л. 13 об., 20 об.

³³ Н. П. Лихачев — Н. И. Толстому, 20 ноября 1884 г., Копия. — РИБ, ф. 781, ед. хр. 1029, л. 8.

сверскому званию и более года усиленно готовился к сдаче магистерского экзамена. Перечислив в отчете о своих занятиях всю ту литературу, которую он изучил, Лихачев отметил и значение нумизматики в системе исторической науки и на пяти страницах перечислил прочитанные им сочинения по всем основным ее разделам, давая им краткую оценку.³⁴ Одним из первых нумизматов он осознал, что для изучения денежного обращения Русского государства необходимо привлекать все те иностранные монеты, которые когда-либо имели у нас хождение или влияли на становление типов русских монет. В частности, он писал: «Рядом с русской нумизматикой стоит нумизматика унуса Джучиева <...> и других восточных династий <...>. Нельзя не остановиться также на монетах приполярных, римских, византийских, западноевропейских, из которых первые разъясняют древнейшую историю Юга России, а другие попадают в кладях в пределах России».³⁵

Успешно сдав экзамен на степень магистра русской истории, Н. П. Лихачев получил разрешение на годичную командировку в Москву и Петербург для работы в архивах и 2 сентября 1886 г. выехал из Казани в Москву, а затем сразу в Петербург, «снабженный рекомендательными письмами <...> от некоторых профессоров Казанского университета».³⁶

Н. П. Лихачев прекрасно понимал, что он не должен замыкаться только на специальных занятиях по выбранной им теме, и старается быть в курсе быстро развивающейся исторической науки. Поэтому он стремится «познакомиться с возможно большим кругом ученых, специалистов, чтобы благодаря устной беседе и общению с ними иметь понятия о разных возникающих в науке вопросах». «С другой стороны, — замечал он далее, — я продолжал занятия по всегда интересовавшим меня вспомогательным знаниям — археологии, нумизматике и библиографии».³⁷ В Петербурге, благодаря прекрасному обычаю его ученых иметь определенный приемный день, Лихачев смог «посвящать несколько вечеров и неделю посещения ученых собраний или в заседаниях обществ, или у частных лиц»³⁸ и таким образом восполнять пробелы своих научных сведений. Цитируемый отчет Лихачева о пребывании в столице совсем не похож на обычный сухой канцелярский документ такого рода, он написан очень эмоционально и дает наглядную картину жизни и обычаев петербургских и московских ученых, которые радушно приняли молодого магистранта и оказали ему поддержку и помощь в занятиях.

Одним из первых нумизматов, кому впоследствии представиться Н. П. Лихачев, были, конечно, М. Н. Толстой и его учитель и друг Христиан Христианович Гиль (1837—1908). Последний, благодаря своей замечательной способности находить путь к сердцам самых разных людей, стал особенно близок Лихачеву. «В Вас, — писал он в одном из писем Гиллю, — я всегда встречал участие, Вы всегда

³⁴ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 50, л. 50—52.

³⁵ Там же, л. 51—52.

³⁶ Лихачев Н. П. Отчет о занятиях с 1 мая 1886 г. по 1 апреля 1887 г. // Ученые записки Императорского Казанского университета по историко-филологическому факультету. 1887 г. Казань, 1888. С. 167.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 168.

ободрили меня, и часто в минуты уныния я утешался мыслью, что есть люди, которые обо мне хорошо мыслят, мне сочувствуют». ³⁹ Тихоной, который был в то время членом Археологической комиссии и секретарем Русского Археологического общества, оказал Лихачеву существенную помощь, вводя его в заседания РАО (членом этого общества Лихачев стал весной 1888 г.) и познакомив с председателем Археологической комиссии А. А. Бобринским, его помощником В. Г. Тизенгаузеном и ученым сотрудником Ю. В. Иверским (оба последние — известные нумизматы). ⁴⁰ Впоследствии Н. П. Лихачев не раз получал позволение А. А. Бобринского или В. Г. Тизенгаузена на приобретение монет из кладов, находившихся в распоряжении комиссии. Он купил или обменял на эквивалентное по весу количество серебра ⁴¹ более 500 монет для своей коллекции: шведско-норвежских (иногда имеются точные указания, каких именно: например, 4 шведские четырехугольные монеты 1563—1566 гг., гроши гротесметеров ордена меченосцев, серебряные монеты Леопольда 1673 г. и Сигизмунда 1611 г. и др.), восточных (золотоордынские и джунгатайские), русских (состав не уточняется). ⁴²

В это время было положено начало многолетней дружбе Н. П. Лихачева с Алексеем Константиновичем Марковым (1858—1920) — известным нумизматом-востоковедом, заведующим монетами Эрмитажа и профессором Археологического института. «Профессор археологии А. К. Марков, — с признательностью отмечал Лихачев, — явил меня в одно из заседаний Археологического института и все время пребывания моего в Петербурге снабжал книгами из своей превосходной специальной библиотеки (по археологии и нумизматике)». ⁴³

Предметом особой гордости Н. П. Лихачева был его визит к Великому князю Георгию Михайловичу. «В занятиях моих вспомогательными знаниями истории — археологией и нумизматикой, — писал Лихачев, — мне в Петербурге посчастливилось как немногим <...> я имел счастье представиться Его Высочеству Великому Князю Георгию Михайловичу и осмотреть Его великодушное собрание русских монет». ⁴⁴ В черновом варианте отчета добавлено: «В течение почти двух часов Его Высочество удоставлял меня своей беседой». ⁴⁵

С изданием русских монет XIX в. Георгия Михайловича связаны первые нумизматические публикации Н. П. Лихачева: серия рецензий в журнале «Исторический вестник» за 1888—1893 гг. на выходящие в это время выпуски многотомного труда Великого князя. ⁴⁶ Рецензии являют собой прекрасный образец критического жанра: и

³⁹ Н. П. Лихачев — Х. Х. Гинзо, 2 декабря 1888 г. — РНБ, ф. 904 Гинз. X, X., ед. хр. 210.

⁴⁰ Лихачев Н. П. Отчет... С. 169.

⁴¹ Архив ИИМК, ф. 1, 1910 г., № 1, л. 30.

⁴² Там же, 1886 г., л. 62, л. 3, 5—6; 1887 г., л. 6, л. 1; л. 7, л. 51; л. 11, л. 24; л. 20, л. 2; л. 29, л. 9; л. 31, л. 31—32; л. 33, л. 14; л. 43, л. 1, 20; 1888 г., л. 15, л. 59—60; 1889 г., л. 15, л. 25—30; л. 23, л. 15, 27; л. 34, л. 4; л. 92, л. 35; л. 94, л. 3; 1890 г., л. 11, л. 1, 1891 г., л. 42, л. 1—2.

⁴³ Лихачев Н. П. Отчет... С. 169.

⁴⁴ Там же, С. 168.

⁴⁵ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 50, л. 75 об.

⁴⁶ Исторический вестник. Т. XXXII, 1888, № 6. С. 697—700; Т. XL, 1890, № 8, С. 445—449; Т. XLIV, 1891, № 6, С. 716—724; Т. LIV, 1893, № 10, С. 276—278.

ших автор, с одной стороны, высоко оценил научное значение и позицию труда Георгия Михайловича, восполнившего пробел в изучении истории монетного дела в России XIX в., а с другой стороны, продемонстрировав собственную эрудицию и компетентность, в этих вопросах.

Уровень знаний Н. П. Лихачева в области нумизматики особенно ярко отражается в конспекте его лекции по этой дисциплине, включенной в пробный курс по источниковедению русской истории. Курс был подготовлен в конце 1887 — начале 1888 г., поскольку Лихачеву необходимо было получить место в системе Министерства народного просвещения, чтобы избежать военной службы, грозившей ему после окончания срока оставления при университете. «Моя мечта, — писал Н. П. Лихачев в письме И. В. Помыловскому, — открыл в январе 1888 г. курс „Источниковедения Русской истории“ как наиболее мне знакомый и сподручный. Не тщеславие и честолюбие толкают меня на несвоевременное выступление на профессорское поприще, а одна необходимость. Или приват-доцент — или со 2-го июля рядовой какого-нибудь пехотного полка».⁴⁷ Дело ограничилось двумя пробными лекциями в Петербургском университете 6 февраля 1888 г., которые дали Н. П. Лихачеву право получить звание приват-доцента Казанского университета с одновременным продлением срока командировки в столица еще на год.⁴⁸ Планируемый курс лекций остался только на бумаге в виде «Наброска программы».⁴⁹

Лекция из этого курса, посвященная нумизматике, начиналась с объяснения «значения нумизматических документов как не измененных временем показателей культуры» для определения хронологических данных, имен исторических деятелей и географических характеристик. Была отмечена возможность с помощью памятников нумизматики определять заимствования и влияния более сильных народностей, изучать торговые пути и время их функционирования. При обзоре монет, находимых на русской территории (греческих, римских, византийских, восточных, западноевропейских), объяснялись причины их важности для русской истории. После столь обширного вводного обзора Н. П. Лихачев переходит к своей основной теме — русской нумизматике, где сначала раскрывалась ее «практическая часть», т. е. рассматривались сами монеты от Киевского периода до XVIII—XIX вв., затем следовала оценка теоретических сочинений по русской нумизматике, где особое внимание уделялось значению исследований И. И. Толстого.⁵⁰

Конспект лекции по нумизматике дает, на мой взгляд, ключ к пониманию причин, которые заставляли Н. П. Лихачева впоследствии обращаться, казалось бы, к столь далеким друг от друга областям науки, как византийская и восточная (в том числе китайская) нумизматика. Все они призваны были в конечном итоге помочь разобраться в проблемах отечественной истории.

⁴⁷ Н. П. Лихачев — И. В. Помыловскому, 22 сентября 1887 г., Москва. — РИБ, ф. 608 Помыловский И. В., оп. 1, ед. хр. 957, л. 3.

⁴⁸ СИБ. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 50, л. 58.

⁴⁹ Там же, л. 105—135.

⁵⁰ Там же, л. 122—123.

Приезды в Казань, сначала для защиты магистерской диссертации (5 февраля 1889 г.), затем — через три года — докторской (3 мая 1892 г.)⁵¹ заставили Н. П. Лихачева пережить много горьких минут. «Я ехал в родной город, — пишет он И. В. Помяловскому, — с уверенностью встретиться с людьми, ко мне расположенными, сочувствующими моим исследованиям <...>, а наткнулся на глухое недоброжелательство, на колкости и сдкие намеки. За глаза смеются над всем <...>. Если бы я не нашел в Петербурге Вас, Кобеко, Толстого, Гиля, на которых вовсе не мог рассчитывать, может быть, я счел бы нападки на меня, хотя бы и ни на чем не основанные, естественными и понятными, но теперь я разочарованнее в людях университета, которых идеализировал, в которых верил как Бог знает по что... Самое горячее желание мое поскорее уехать отсюда».⁵²

Это желание исполнилось: сначала продолжались ученые командировки,⁵³ а с 1894 г. предоставлялась возможность читать лекции по русской дипломатике в Археологическом институте и, таким образом, окончательно обосноваться в Петербурге.⁵⁴ Занятия нумизматикой продолжались и в это время, хотя и отодвинулись на второй план новым увлечением — сфрагистикой.

К 1893 г. относится рецензия Н. П. Лихачева на небольшое исследование И. И. Толстого «Древнейшие русские монеты X—XI вв.», которое дополняло монографию 1882 г.⁵⁵ Высоко оценил эту работу Толстого, «с одной стороны, как дополнение к прежнему большому труду, с другой — как компетентный разбор новых взглядов, высказанных в последнее время по поводу древнейших русских монет»,⁵⁶ Лихачев особо отметил как наиболее важную ту ее часть, которая посвящена исследованию византийских прототипов первых русских монет. Полностью разделяя взгляды Толстого на основные закономерности подражательной чеканки, Лихачев выразил такое пожелание: «Глубокая эрудиция, которую выказывает г-р. И. И. Толстой в сфере византийской и западной средневековой нумизматики, заставляет пожелать, чтобы он когда-нибудь подарил русскую литературу большим исследователям о византийском влиянии на монетные типы вообще».⁵⁷ Очень жаль, что ни Толстой, ни кто-либо другой такую работу не сделал.⁵⁸

В конце 1890-х гг. вышли в свет три статьи Н. П. Лихачева, посвященные русским монетам. Первая — «Русские монеты 1741—1796 годов»⁵⁹ — продолжала серию рецензий на труд Георгия Ми-

⁵¹ О защите обеих диссертаций подробнее см.: *Климитов Л. Г.* Коллекционер, известный всей России... С. 426—427.

⁵² Н. П. Лихачев — И. В. Помяловскому, 21 января 1889 г., Казань. — РИИ, ф. 608, оп. 1, ед. хр. 957, л. 6—6 об.

⁵³ СПб. ФА РАН. ф. 246, оп. 2, ед. хр. 50, л. 61.

⁵⁴ *Климитов Л. Г.* Коллекционер, известный всей России... С. 427.

⁵⁵ *Лихачев Н. П.* [Рец.] Гр. И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты X—XI вв. С. 2 табл. СПб., 1893 // *Исторический вестник*. Т. LIII. 1893. № 9. С. 803—804.

⁵⁶ Там же. С. 803.

⁵⁷ Там же. С. 804.

⁵⁸ Подробнее об этом см.: *Гурулева В. В.* И. И. Толстой и византийская нумизматика // ВИД. Т. XXIII. Л., 1991. С. 263—265.

⁵⁹ *Лихачев Н. П.* Русские монеты 1741—1796 годов.

хайдовича, однако, помимо оценки выпусков Великого князя, посвященных монетам XVIII в., содержала публикацию — в качестве дополнений — 39-ти медных монет из коллекции Лихачева, некоторые из которых имели отличия от опубликованных «Августейшим автором». Как пояснял Лихачев, дополнения — единственное, что остается делать после выхода этого труда, поскольку «издание носит такой монументальный, такой исчерпывающий характер, что, можно сказать, не оставляет ничего будущим нумизматам, кроме подбора случайно пропущенных вариантов итемелеев». ⁶⁰ Что же касается оценки работы Лихачева, то самым красноречивым свидетельством ее важности и значимости является «эпиграф» этого издания, принадлежавший И. Г. Спасскому: на полях книги сохранились карандашные пометки владельца, отражающие его восхищение критическими замечаниями автора. ⁶¹

Прекрасно продемонстрировал Н. П. Лихачев свои исследовательские способности в области русской нумизматики в небольшой статье, посвященной золотой монете Ивана III, чеканенной по образцу венгерского или, как его тогда называли, угорского дуката. На основании свидетельств летописных источников и государственных грамот Н. П. Лихачев датировал «московский золотой» 1471-м г. и доказал, что резчиком его итемелеев был «денежник» Иван Фрязин (Джан Батиста делла Воинне), а также высказал предположение о парадном характере таких монет: их могли раздавать народу, например, в честь объявления сына Ивана III — Ивана Молодого — великим князем в 1471 г. ⁶² Все эти выводы Лихачева выдержали проверку временем. И. Г. Спасский, посвятивший этим и подобным золотым монетам Московского государства свое исследование, писал: «Золотые подражательные монеты были за границей „выигранными карточками“ московского князя и его государства, а на Руси их роль самой ранней формы „государева жалованья“ подданным наиболее вероятна. Данные нумизматики не могут поколебать убедительность предложенной Н. П. Лихачевым атрибуции угорского, как и достоверность данных летописания о времени провозглашения Ивана Молодого великим князем». ⁶³

Последней из работ этого времени является статья «Пеняги великокняжеских и царских свадеб», ⁶⁴ где на основании письменных источников выясняются происхождение названия и место чеканки

⁶⁰ Там же. С. 4.

⁶¹ Этот «эпиграф» иванья Н. П. Лихачева хранится ныне в библиотеке отдела нумизматики Эрмитажа.

⁶² Лихачев Н. П. Московский золотой // Археологические Известия и Записки. 1897. № 7—8. С. 210—214.

⁶³ Спасский И. Г. Монетное и монетоушное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // ВИД. Т. VIII. Л., 1976. С. 130—131. Предприниматель, также попытка пересмотреть предложенную Н. П. Лихачевым датировку «московских золотых», место их чеканки и имя монетного мастера. См., напр. Понин В. М. Венгерский золотой Ивана III // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 282—293; Лыко М. А. О месте чеканки золотых монет с именем Ивана III // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 21. Л., 1981. С. 106—110; Шарков И. В. Еще раз о времени и месте чеканки русских золотых с именем Ивана III // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 1993. С. 39—42.

⁶⁴ Лихачев Н. П. Пеняги великокняжеских и царских свадеб // Труды Московского нумизматического общества. Т. 1. М., 1898. С. 101—108.

них монетонидных украшений с односторонними изображениями, которые, как доказал Н. П. Лихачев, использовались только в свадебных обрядах и специально изготавливались в Москве перед каждой церемонией. Это небольшое исследование Лихачева доныне остается единственным, посвященным данному вопросу, и его выводы никем из современных нумизматов не оспаривались.

Увлечение сфрагистикой и, в частности, византийскими монетами, интерес к которым охватил Н. П. Лихачева в 1893—1894 гг.,⁶⁵ привело его к необходимости более пристального изучения византийских монет. Вероятно, именно в это время начала интенсивнее пополняться византийскими монетами его коллекция, в которую ранее они попадали лишь случайно. Но на первом месте оставались печати, и ради них Н. П. Лихачев готов был жертвовать самыми лучшими из византийских монет. Так, в письме Х. Х. Гизо 1890-х гг. он пишет: «У меня имеется хороший экземпляр известной серебряной монеты Романа Диогена, изданной Сабатье и в каталоге Фотиадеса-паши с стоящей Божией Матерью. Мой экземпляр найден в России и составляет значительный вариант. Не согласен ли граф Иван Иванович обменять на него приобретенную им печать в к. Дмитрия Ивановича?»⁶⁶ Обмен, однако, не состоялся, хотя этой довольно редкой монеты в коллекции И. И. Толстого и тогда, и после не было; она осталась у Лихачева и поступила в Эрмитаж в составе его собрания. На лицевой стороне этого серебряного мисиариса изображена стоящая во весь рост Богоматерь. Одиотрия в младенцем Христом на левой руке, на оборотной — стоящий во весь рост император с патриаршим крестом в правой руке и державой, увенчанный патриаршим крестом, — в левой. Надпись, которая начинается на лицевой стороне и заканчивается на оборотной, в переводе с греческого гласит: «Тот, кто возлагает свои надежды на тебя, о Дева прославленная, будет удачлив во всех делах». Полагают, что это изображение Богоматери восходит к византийской иконе, написанной, по преданию, Святым Лукой и украшавшей церковь Одиотрии в Константинополе.⁶⁷ Что касается «значительного варианта» экземпляра Лихачева, то он сводится к большому размеру креста на державе и к иной форме изображения правой руки Богоматери: более тонкой и изящной, чем на других аналогах. Добавлю еще, что в настоящее время эти монеты относятся к Роману IV Диогену (1068—1071), а к Роману III (1028—1034).

В 1906 г., готовясь к лекциям по византийской и русской сфрагистике, Н. П. Лихачев обращался к И. И. Толстому с просьбой предоставить ему слепки с золотой будды и византийских золотых слитков императоров Артавазда и Никифора со Старакисем и выставлял предположение, свидетельствующее о том, что он уже хорошо ориентировался в основных проблемах византийской монетной чеканки. «Можно предположить», — писал ученый, — что Артавазд чеканил и серебряную монету по образцу, установившемуся

⁶⁵ Лихачев Н. П. Манипулуны греческого Востока. С. 26.

⁶⁶ Н. П. Лихачев — Х. Х. Гизо, *бд.*, Петербург. — РИБ. ф. 904, ед. кр. 210, л. 5.

⁶⁷ Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. III, part. 2. Washington, 1973. P. 712—713, 719.

при предшественниках. Для моих целей очень важно, если бы отыскалась подобная монета. Нет ли у Вас, в Вашем собрании, богато, говорят, неизданными типами?»⁶⁸ Предположение Лихачева оказалось верным: такая монета действительно чеканилась в Византии при Артавазде, но в 1906 г. она еще не была опубликована и в коллекции И. И. Толстого отсутствовала. Впервые серебряный мильарисий Артавазда (из собрания Парижской Национальной библиотеки) издал в 1908 г. В. Рос — хранитель Британского музея.⁶⁹

В тесной связи с коллекционированием вставали перед Н. П. Лихачевым проблемы определения подлинности вещей, будь то автографы, акты, рукописи или памятники сфрагистики и нумизматики. Известно, что он считал нужным собирать поддельные автографы и другие документы.⁷⁰ То же самое относится и к бумажным денежным знакам. Когда в 1921 г. его сын — Геннадий Николаевич — демонстрировал на заседании Комиссии по нумизматике и глиптике Академии истории материальной культуры свою коллекцию «бумажных ценностей» от Екатерины II до выпусков советской России, Н. П. Лихачев, выступая в прениях, отметил необходимость собирать и поддельные ассигнации.⁷¹ Возможно, с этим связано наличие 24-х поддельных русских ассигнаций в числе 76-ти, поступивших в Эрмитаж в составе коллекции Г. П. Лихачева и выделенных инвентаризатором отдела нумизматики С. А. Розановым.⁷² Обстоятельства, по которым поддельные ассигнации могли храниться вместе с подлинными, вероятно, объясняются теми же причинами, на какие ссылался Н. П. Лихачев в письме М. С. Боронковой-Майковой из Астрахани в 1933 г., сетуя, что без него никто не сможет разобраться с автографами в Музее автографов: «В отделе подделок, над которыми я много работал, есть и подлинники, а среди подлинников — копии и сомнительные оригиналы».⁷³

Вероятно, именно с этим было связано приобретение Н. П. Лихачевым выставленной на аукционе Я. Хирша в Мюнхене (коллекция консула Э. Вебера) сомнительной серебряной монеты Анастасия II Артемия (713—715),⁷⁴ чеканенной императором золотого солида этого правителя. (В Византии было принято чеканить серебряные монеты по типу золотых для таких целей, как, например, раздача монет народу по случаю торжественных событий.) На лицевой стороне монеты было погрудное изображение императора в фас и надпись с его именем «ΑΡΤΕΜΙΟΥ ΑΝΑΣΤΑΣΙΟΥ», а на оборотной — крест на основании и трех ступенях и надпись: «ΠΙΣΤΟΡ[ΙΑ] [Α]ΥΓΗ и

⁶⁸ Н. П. Лихачев — И. И. Толстому, 2 октября 1906 г., Петербург. — РИБ, ф. 781, ед. кр. 1029, л. 16.

⁶⁹ *Numismat. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*. Vol. II. London, 1908. P. 391.

⁷⁰ *Климшич Л. Г.* Н. П. Лихачев и подделки // ВизД. Т. XXI. Л., 1989. С. 289—290.

⁷¹ Архив НИМК, ф. 2, оп. 1, 1921 г., № 24, л. 26 об.

⁷² *Маршал М. Е.* Наполеоновские подделки русских ассигнаций // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 26. Л., 1986. С. 51. В настоящее время М. Е. Маршал уточнила происхождение тел 76-ти ассигнаций, о которых шла речь в ее статье, — они поступили в Эрмитаж от Г. П. Лихачева.

⁷³ Н. П. Лихачев — М. С. Боронковой-Майковой, 18 августа 1933 г., Астрахань. Опубликовано Л. Г. Климановым (см.: Репрессированная наука. С. 449).

⁷⁴ *Hirsch J.* Sammlung Consul... Nr. 3186.

CONOB». Сомнение в ее подлинности вызывали отливки в слепе изображения императора: швами, чем на других выпусках, были овал лица и прическа, — и в эвграфике надписей на оборотной стороне: совершенно пехарактерное для того времени написание латинской буквы «V» в виде греческой «Ϝ» в словах «Виктория» и «Август». Такой знаток эвграфки, как Лихачев, не мог не обратить внимания на это отклонение от принятых норм. Кроме того, и вес монеты был значительно ниже обычного: 2,78 г, тогда как средний вес сохранившихся составлял 4,4 г. Этих признаков было вполне достаточно, чтобы признать монету поддельной, но тем не менее Лихачев приобрел ее и сделал это, очевидно, вполне сознательно, имея в виду свою работу с подделками. Показателем в этом отношении и факт отсутствия упоминаемых серебряных выпусков Анастасия II в труде И. И. Толстого «Византийские монеты», выходящем с 1912 по 1914 г. Зная, как старался Н. П. Лихачев быть полезным И. И. Толстому в его исследованиях, трудно представить, чтобы он не сообщил ему о наличии в своей коллекции столь интересной (и для того времени уникальной) монеты, будь она подлинной. В настоящее время известны еще две серебряные монеты Анастасия II, чеканенные в темпеларии сохранившихся подлинностей, которых, в отличие от экземпляра из бывшей коллекции консула Э. Вебера, никем не оспаривается.⁷⁵

Сосредоточенность Н. П. Лихачева на разборе и описании печатей, которыми он занимался особенно интенсивно в годы первой мировой войны,⁷⁶ имела следствием полное отсутствие печатных изданий по нумизматике. Но коллекционировать монеты он не прекращал, и известность его как нумизмата приводила к тому, что он часто получал от коллекционеров письма с вопросами об интересующих их монетах либо с предложениями купить у них монеты или принять в дар.⁷⁷ Иногда и сам Лихачев нуждался в консультациях. Ответом на вопрос об одной из монет его коллекции было письмо А. К. Маркова: «Ваш динар чеканен в Дебите, древней столице Армении, в 316 г. До сих пор не было известно ни одного динара, битого в этом городе, от которого дошли только омайядские серебряные и медные редчайшие монеты. Дебинские монеты нет в Париже, Лондоне <...>, а в армянском и берлинском собраниях есть только серебро (1) и медь».⁷⁸ Видимо, Марков допустил неточность в определении этой монеты, поскольку как в начале XX в., так и ныне неизвестно ни одного динара, чеканенного в Дебите (армянское название этого города — Дзини).⁷⁹ И среди монет из коллекции

⁷⁵ Одна из них проходила по аукциону: *Katle H. Monnaies byzantines*, Lugano, 1930, P. 82, № 1725. См. о ней также: *Grierson P. Catalogue*, P. 677. Другая монета находится в частной коллекции П. Профунотариаса (см.: *Naha W. Moneta Imperii Byzantini*, Bd. III, Wien, 1981, S. 779, Nr. 27).

⁷⁶ *Лихачев Н. П. Монидонулы греческого Востока*, С. 26.

⁷⁷ К. В. Болсуновский — Н. П. Лихачеву, 4 июля 1911 г., Киев — СПб. ФД РАН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 89, л. 9 — 9 об., 16; К. В. Макаренко — Н. П. Лихачеву, 7 декабря 1911 г., Умань. — Там же, ед. хр. 246, л. 1—1; Н. Р. Запорожский — Н. П. Лихачеву, 8 июня 1915 г., Керчь. — Там же, ед. хр. 163, л. 4.

⁷⁸ А. К. Марков — Н. П. Лихачеву, 30 апреля 1916 г., Петербург. — Там же, ед. хр. 252, л. 3—3 об.

⁷⁹ *Мушкетер А. А. Денежное обращение Дзини по нумизматическим данным*, Ереван, 1962, С. 20—22.

Лихачева, поступивших в Эрмитаж в 1938 г., такого дилара не оказалось. Скорее всего, Лихачева интересовало мнение Маркова о монете, приобретенной в то время у Н. И. Репникова,²⁰ — диларе 316 г., чеканенном в г. Ардебиле (подробнее о нем будет сказано ниже). Эта монета хранится ныне в Эрмитаже.

Собственно коллекционированием, а также привлечением италийских монет для атрибуции печатей ограничивались в те годы занятия Н. П. Лихачева пумпиматикой. Других задач в этой области он перед собой не ставил и пумпиматических трудов в числе первоочередных не намечал.²¹ Более всего занимался тогда Лихачева реализация заветной мечты его жизни: создание Музея палеографии. С ним он связывал возможность «посвятить старость кабинетным итальканским по собранному и классифицированному материалу», но, как с горечью замечал далее Лихачев: «Увы. Судьба судила иное. Сначала жестокая война, потом перенорот лишнии возможности производить какие-либо систематические научные занятия».²²

«Переворот» жизни Н. П. Лихачева не только любимого дела, он разорвал весь уклад его жизни и поставил на первое место лишь самые насущные потребности — прокормить большую семью. С этим был связан переезд в Москву в 1917 г. Последовавшие затем годы — до 1925-го — Лихачев вынужден был буквально разрываться между Москвой, где была семья, и Петроградом, где оставалось не менее любимое детище — музей, который, хотя и был спасен от разорения передачей в ведение Археологического института в 1918 г., требовал много внимания и хлопот для сохранения его экспонатов от холода и сырости.²³

Большую помощь и поддержку оказал в это время Н. П. Лихачеву Алексей Васильевич Орешников (1855—1933). Их дружба началась еще в 1904 г. при совместной работе по подготовке корпуса русских печатей.²⁴ Именно Орешников был инициатором привлечения Лихачева к задуманной им с Алексеем Алексеевичем Ильиным (1858—1942) большой работе по составлению корпуса русских уделных монет, которая велась в Петрограде в Российской государственной Археологической комиссии. Специально для этого там была создана Комиссия по изучению и изданию уделных монет, в состав которой входили А. В. Орешников как главный руководитель и редактор издания, А. А. Ильин как второй руководитель, А. К. Марков и А. А. Спичин (последний как представитель Русского отдела РГАК).²⁵ В письме к А. А. Ильину от 18 марта 1919 г. А. В. Орешников писал: «Хорошо бы к совещанию по корпусу привлечь Н. П. Лихачева; у него большая эрудиция по источникам русской истории всех яюх, и он, кроме того, обладает критическим умом, что очень важно для решения многих спорных вопросов рус-

²⁰ Фалмер Г. Р. О монетах Саджадов // Известия Общества Обследования и Изучения Азербайджана. № 5 (изд. отг.). Баку, 1927. С. 23.

²¹ Перечень первоочередных трудов, составленный в 1919 г., см.: Сведения биографические. — СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 7, л. 56.

²² Там же, л. 56—57.

²³ Климанов Л. Г. Коллекционер. «Известия всей России». С. 429—430.

²⁴ Ильин В. Л. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева. С. 12.

²⁵ Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1919 г., л. 28, п. к.

ского средневековья. Н. П. [Лихачев] теперь в Петербурге, и А. К. [Марков] с ним должен выдаться в Археологическом институте.⁸¹ Это письмо обсуждалось на заседании комиссии 21 марта, и было принято постановление пригласить Лихачева к изданию корпуса.⁸² С 1 мая 1919 г. он стал сотрудником Отдела древностей русских РГАК,⁸³ где «принял на себя труд заняться изучением типов удельных монет» с условием, что сможет продолжать и работу с печатями.⁸⁴ Так судьба, которая «судила иное», чем планировал Лихачев, вернула его с помощью Орешникова к нумизматическим исследованиям.

После преобразования РГАК в Академию истории материальной культуры осенью 1919 г. Н. П. Лихачев стал научным сотрудником разряда археологии и искусства раннехристианского и византийского времени, а также руководителем созданной по его инициативе Комиссии по изучению миниатюры.⁸⁵ В то же время ученые-нумизматы, входившие в состав различных разрядов АИМК, сознавая необходимость организации постоянной Комиссии по нумизматике и гравитике как самостоятельной единицы, поручили Лихачеву (возможно в Комиссии по изучению миниатюры) разработать проект «Предположений» с изложением задач новой комиссии.⁸⁶ Основное положение представленного им проекта гласило: «Комиссия не может ограничиваться изучением одной русской нумизматики и гравитики. Ставя такое изучение во главу угла, Комиссия должна шире изучать и все те нумизматические памятники, которые вошли на русскую нумизматику, и те, которые когда-либо обращались или были таковыми на территории русской державы.⁸⁷ В этом положении нетрудно угадать те взгляды на принципы изучения русской нумизматики, которые сложились у Лихачева еще в начале его научной карьеры. Сообразно с этим задачи комиссии подразделялись на целый ряд конкретных предприятий, связанных с изучением, помимо русской, древнерусской, римской (только региона Северного Причерноморья), византийской, восточной и западноевропейской нумизматики. Особо выделялись задачи по сбору сведений о всех известных кладах и находках на территории России и по изучению проблем нумизматической метрологии, а в области гравитики и сфрагистики — камней и русских перстней и печатей. Предполагалось, что в состав комиссии должны войти, как минимум, 8 научных сотрудников.⁸⁸

«Предположения» были обсуждены и приняты на специальном совещании, в котором участвовали А. А. Ильин, Н. П. Лихачев и А. К. Марков,⁸⁹ и 20 декабря 1919 г. состоялось первое заседание

⁸¹ А. В. Орешников — А. А. Ильину, 18 марта 1919 г., Москва. — Там же, с. 1 об.

⁸² Там же, л. 8 об.

⁸³ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 71, л. 1.

⁸⁴ Архив ИИАК, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 28, л. 11 об.

⁸⁵ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 71, л. 103—104.

⁸⁶ Архив ИИАК, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 28, л. 13.

⁸⁷ Там же, 1920 г., д. 28, л. 1.

⁸⁸ Там же, л. 1—3.

⁸⁹ Там же, 1919 г., д. 28, л. 13.

Комиссии по нумизматике и глиптике, число постоянных членов которой ограничилось на первых порах четырьмя учеными сотрудниками, но было решено привлекать к ее работе представителей других отделений Академии. В числе последних выступал в комиссии и Н. П. Лихачев.⁹⁵

В полном соответствии с задачами комиссии был составлен и проект издания корпуса русских удельных монет. Он имел скромное название «Русские монеты до Ивана IV Грозного», но при этом содержание, далеко выходящее за его рамки. В первой части корпуса планировалось рассматривать такие вопросы, как монеты и клады греческих колоний Северного Причерноморья, Рима, Византии, Востока и Западной Европы, а также подражания перечисленным монетам; торговые отношения всех этих государств с Восточной Европой (т. е. с народами, населившими ее территорию в разное время); затем следовал раздел об образовании Русского государства и об этапах становления и развития его денежного обращения вплоть до периода татарского завоевания. И только во второй части должно было начаться исследование проблем, связанных с основной темой корпуса.⁹⁶ Грациозность и важность для науки этого проекта очевидна, но также очевидно, что если в 1919 г. у его составителей и была уверенность, что эту работу удастся выполнить, пусть и за несколько лет, то уже очень скоро они осознали: в сложившихся тогда в советской России условиях их планы неосуществимы. Поэтому постепенно деятельность сотрудников комиссии свелась к составлению топографии монетных кладов на территории СССР.

Участие Н. П. Лихачева в этом проекте было подробно раскрыто им в отчете от 14 января 1920 г. (т. е. за полгода работы в АИМК), где он писал, что предметом его занятий в Комиссии по нумизматике и глиптике «были типология русских монет доцарского периода, главным образом, вопрос о заимствованиях изображений, о подражаниях в типах иностранной монеты, получившей распространение благодаря своей доброкачественности. Надлежало изучить нумизматические памятники италийские, джучидов, польские, чешские, южнославянские, средневековой западноевропейской нумизматики, скандинавские и т. д. Несмотря на то, — продолжал Лихачев, — что труд в такой области дает видимые результаты через очень продолжительные сроки исследований, наблюдений, сопоставлений, Н. П. Лихачев (благодаря данным работам в разных отраслях нумизматики) успел представить и прочесть реферат о вопросах типологии, в котором, между прочим, изложил свой взгляд (самостоятельный и новый) на смысл и значение известных монет времени великого князя Ивана III с именами Аристотеля и мастера Александра».⁹⁷ К сожалению, предполагаемое издание статьи Лихачева «Типология русских монет»⁹⁸ не состоялось, а рукопись ее в архивах пока не обнаружена, чтобы можно было сейчас понять, что же конкретно «самостоятельного и нового» внес он в решение вопроса о

⁹⁵ Там же, л. 45.

⁹⁶ Там же, л. 26—32.

⁹⁷ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 71, л. 103.

⁹⁸ Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1920 г., л. 28, л. 9.

смысле и значении этих монет Ивана III. Читая ныне отчет Лихачева, понимаешь, как должно было подействовать на ученого вынужденное двухлетнее бездействие, если он так жадно и смело брался за несколько дел сразу. Не следует забывать, что Лихачев очень много и плодотворно работал в это время в Комиссии по изучению митриаторы, а также и Разряде ринехристианской и византийской археологии, продолжая свои сфрагистические исследования. Размах его деятельности в Комиссии по нумизматике и глянтинке по превращению в жизнь проекта издания русских монет не может не поражать!

Дальнейшие занятия Н. П. Лихачева, связанные с этим проектом, были направлены на изучение восточных монет. 14 августа 1920 г. на заседании Комиссии по нумизматике и глянтинке, посвященном памяти скончавшегося 1 августа А. К. Маркова, Н. П. Лихачев выступил с докладом «О геральдических эмблемах на восточных монетах», «ожестив поводом литературную дань памяти незабвенного ориенталиста и нумизмата».⁹⁹ Основные положения этого доклада (его черновик сохранился в бумагах Лихачева¹⁰⁰) были доработаны им в дальнейшем и вошли во второй выпуск «Материалов для истории русской и византийской сфрагистики» в раздел «Печати с изображением тамги или родового знака», являя собой серьезное исследование этой проблемы.¹⁰¹

Продолжая восточную тему своих нумизматических занятий, Н. П. Лихачев читал 24 сентября 1921 г. доклад «Аббасидский динар, чеканенный в Ардебиле».¹⁰² Речь в нем шла о чрезвычайно интересной и редкой монете, найденной Н. И. Репниковым в 1915 г. в Старой Ладге и уступленной им Лихачеву. Динар был чеканен в 316 г. по мусульманскому летоисчислению (928/929 г. н. э.) в столице Азербайджана г. Ардебиле. В то время заместителем аббасидского халифа ал-Мухтадира в этом городе был эмир из династии Саджидов ал-Фатх, однако имя эмира на этой монете по неизвестной причине отсутствовало, а включено лишь имя халифа. Лихачев не ставил своей задачей выяснение обстоятельств появления такого необычного динара. Отметив лишь уникальность этого выпуска, он оценивал важность находки такой монеты в Старой Ладге для установления торговых связей Русского государства.

Динар был впервые опубликован Р. Р. Фасмером в 1926 г.,¹⁰³ затем вошел в его работу «О монетах Саджидов» в 1927 г.¹⁰⁴ В 1938 г. монета была включена в сводку кладов Азербайджана Е. А. Пахомова,¹⁰⁵ а позже использована в работе А. Н. Кирвичи-

⁹⁹ Там же, в. 33—34.

¹⁰⁰ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 1, ед. зр. 126, в. 1—23.

¹⁰¹ Лихачев Н. П. *Материалы для истории русской и византийской сфрагистики*. Вып. 2 // Труды Музея палеографии. Т. II. Л., 1930. С. 91—168.

¹⁰² Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1921 г., л. 34, в. 24—24 об.

¹⁰³ Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Советской нумизматикой и глянтинкой Академии Истории Материальной Культуры в 1920—1925 гг. // *Сообщения ИИМК*. Вып. I. Л., 1926. С. 291, № 36.

¹⁰⁴ Фасмер Р. Р. О монетах Саджидов. С. 23—24.

¹⁰⁵ Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и уездов Кавказа. Вып. II. Баку, 1938. С. 71, № 614.

кова.¹⁰⁶ Но до сих пор никто не разгадал причину отсутствия на монете имени эмира ал-Фатха.

Не остался в стороне от интересов Н. П. Лихачева даже такой редко сочетаемый с другими разделами, как китайская нумизматика. 12 ноября 1921 г. он сделал доклад «О значении древнейшей китайской нумизматики», где «высказал несколько соображений по вопросу о предметах денежного менового обращения до введения настоящих специальных денежных знаков».¹⁰⁷

С 1925 г., когда Н. П. Лихачев был назначен директором Музея нумизматики (переданного тогда же в ведение Академии наук), прекратил свое участие в работе Комиссии по нумизматике и сфрагистике и, соответственно, исследованию в области нумизматики. Однако многое из того, что им было сделано в этой области, вошло в его сфрагистические труды. В изданном в 1928 г. первом выпуске «Материалов по византийской и русской сфрагистике» глава о печатях с формулой «Господи помози» предваряется обзором византийских монет VII—XII вв. с такими же надписями, которые помогали определять печати.¹⁰⁸ Гораздо больше нумизматических экскурсов содержит уже упоминавшийся второй выпуск этого труда, где подробно разбирались древнерусские монеты с изображениями родовых знаков и восточные с изображением тамги, монеты Гелун и Пошын с геральдическими знаками — все это делается для выяснения вопроса о происхождении подобных знаков на печатях. Кроме того, в этом выпуске проводилось метрологическое исследование византийских монет, особенно одновременных древнерусским выпускам. Целью последнего было выяснение вопроса о том, к какой монетной системе принадлежали русские сребреники, — вопроса, который оставался открытым И. И. Толстой в 1893 г., да и Н. П. Лихачев не пришел к какому-либо более определенному выводу, чем тот, что русские сребреники были тяжелее византийских минариев и больше соответствовали весу восточных дирхемов, что, в свою очередь, вызывало у него недоумение: почему нужно было чеканить монету, типологически близкую византийским выпускам, а в весовом отношении оправдующую на дирхем.¹⁰⁹

В другой работе по сфрагистике — «Моншодулы греческого Востока», активно готовившейся к печати в 1930-е гг., Н. П. Лихачев постоянно обращается к византийским монетам, особенно при описании императорских печатей.¹¹⁰ Этот труд Лихачеву не суждено было увидеть изданным. Архив 1930 г. и сейчас в Астрахани, а после возвращения в Ленинград в 1933 г. — сложности с издатель-

¹⁰⁶ *Kirpielankov A. N. Staraja Ladoga: (Al-Ladoga und seine überregionalen Beziehungen im 8.—10. Jahrhundert. Anmerkungen zur Verbreitung und Verwendung von Dirhemn im eurasischen Handel) // Oldenburg—Wolm—Staraja Ladoga—Novgorod—Kiev: Handel und Handelsverbindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters. Internationale Fachkonferenz der Deutschen Forschungsgemeinschaft vom 5.—9. October 1987 in Kiel. Sonderdruck aus Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 69, 1988, S. 327, Nr. 31.*

¹⁰⁷ Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1921 г., л. 34, л. 29—30.

¹⁰⁸ *Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928, с. 103—106.*

¹⁰⁹ *Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. С. 185—188.*

¹¹⁰ *Лихачев Н. П. Моншодулы греческого Востока. С. 238—277.*

скими делами, затем тяжелая болезнь и кончина 14 апреля 1936 г. помешали осуществлению задуманного издания.

В тяжелые годы астраханской ссылки нумизматика была единственным утешением Н. П. Лихачева. Гораздо больше, чем от года и болезней, страдал ученый от невозможности заниматься любимым делом. «Мое положение в этой пустыне плачевно, — писал Лихачев в мае 1933 г. М. С. Боровковой-Майковой. — Пробывал было предложить провести несколько бесед по истории архивов и архивного дела в здании Архивного бюро для повышения квалификации служащих, которые все без исключения не могут читать старых документов. Это было в прошлом году. Намекнул, что готов поговорить *бесплатно*. Молчаливо отклонено. В Музее увидел кучи монет, сваленных по ящикам и коробкам. Взглянул разобрать их по сортам, желая спасти хоть часть от уничтожения и сгорания. Работал в прошлом году довольно долго, но за «благодарю», а один influentialный член горсовета, раза два подходя при посещении Музея, говорил: „Что, дедушка, все сидишь над монетками! Чай поди старье, столетние есть.“»¹¹¹

Наряду с нумизматикой интересовали Н. П. Лихачева и проблемы тесно связанной с ней нумизматической метрологии. В частности, неоценимый вклад внес ученый в развитие византийской метрологии. В 1921—1925 гг. Лихачев сделал несколько докладов на эту тему как в Комиссии по нумизматике и эпиграфике, так и в отделении раннехристианской и византийской археологии.¹¹² Результатом его труда стала монография «Византийские эвканти».¹¹³ Составная сложность издания этой работы в полном объеме, Лихачев ограничился тогда опубликованием в «Известиях» Академии наук лишь основных выводов своего труда.¹¹⁴ Надеюсь, что со временем появится возможность выхода его в свет целиком, однако этим надеждам не суждено было сбыться.

В настоящее время мною готовится к печати рукопись монографии Н. П. Лихачева «Византийские эвканти», представляющая, вне сомнения, не только большой интерес, но и важное значение как до сих пор не произведенная работа по этому разделу нумизматической метрологии.¹¹⁵

¹¹¹ Н. П. Лихачев — М. С. Боровковой-Майковой, 27 мая 1933 г. Астрахань, опубликовано Л. Г. Климанским (изд. Репрестроповская школа, с. 448).

¹¹² Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1921 г., л. 34, л. 25 об., 26, 27 об., 28 об.; СГБ ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 71, л. 156—157.

¹¹³ Рукопись этой работы хранится ныне в СГБ ФА РАН, ф. 246, оп. 1, ед. хр. 133—136.

¹¹⁴ Лихачев Н. П. Византийские эвканти // Известия Российской Академии Наук, 1925, С. 519—526.

¹¹⁵ В случае ее опубликования в предисловии будет подробно описана работа Н. П. Лихачева над этой темой и дан ее анализ.